

должности президента Республики Саха (Якутия). У президента Республики Саха (Якутия) появилось право роспуска государственного собрания (Ил Тумэн), об этом прямо говорится в новых дополнениях в Конституцию Республики Саха (Якутия), согласно ст. 70 п. 11, президент Республики Саха (Якутия) «распускает Государственное Собрание (Ил Тумэн) по основаниям, предусмотренным законом» [1]. В Конституции Якутии был закреплён новый порядок наделения полномочиями Президента республики.

В 2006 г. вновь развернулась дискуссия о должности вице-президента. Большинство депутатов парламента республики высказалось против сохранения должности вице-президента, считая, что этот пост, как отдельный институт, ограничивает полномочия высшего должностного лица и не соответствует федеральному законодательству, и поэтому структура органов исполнительной власти размывается. Однако сторонники сохранения поста вице-президента сослались на то, «что если президент республики взаимодействует с руководством Российской Федерации, а также с Дальневосточным федеральным округом, то вице-президент занимается делами внутри республики. Также надо учесть, что Республика Саха (Якутия) – многонациональная республика. Национальный вопрос – тонкий и чувствительный» [6]. В итоге должность вице-президента Республики Саха (Якутия) была сохранена.

В заключение следует сказать, что становление института президентства происходило в условиях политического и экономического кризиса в стране. Решающую роль во введении поста президента в Республике Саха (Якутия) сыграла модернизация политической системы страны, начавшаяся с приходом к власти М.С. Горбачева. Проблема института президентства в Республике Саха (Якутия) является сложной и многогранной. Происходит процесс усиления института президентства в ущерб законодательной и судебной власти. Наряду с Президентом республики, который, согласно федеральному законодательству и Конституции Якутии, возглавляет исполнительную власть, существуют посты вице-президента и премьер-министра, возглавляющего правительство, есть дублирование полномочий. Автор считает необходимым устранить двое-

властие в исполнительной ветви власти, наделив президента РС(Я) исключительно представительскими полномочиями, либо ликвидировав должности вице-президента и премьер-министра правительства, что в полной мере будет отвечать требованиям федерального законодательства.

Литература

1. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) принята XII сессии Верховного Совета РС(Я) 4 апреля 1992 г. Вступила в силу 27 апреля 1992 г. // Якутские ведомости. - 1992. - № 7. 26 апреля.
2. О Президенте Якутской – Саха Советской Социалистической Республики: закон Якутской – Саха Советской Социалистической Республики от 16.10.1991 г. № 643-ХП // Сборник законов Республики Саха (Якутия) за 1990-1991 гг. - С.167.
3. О выборах Президента Якутской – Саха Советской Социалистической Республики: закон Якутской – Саха Советской Социалистической Республики от 17.10.1991 г. №646-ХП // Сборник законов Республики Саха (Якутия) за 1990-1991 гг. - С. 171.
4. Игнатьева В.Б. Республика Саха (Якутия): ретроспектива этнополитической истории. - Новосибирск, 1999. - 143 с.
5. Казарян П.Л. Нужна сильная власть // Социалистическая Якутия. 20 декабря 1990 г.
6. Пресс-служба Парламента. 31-е очередное пленарное заседание Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 26 апреля 2006 г.
7. Россия политическая / под общ. ред. Л. Шевцовой. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998. – 379 с. – С.22-28.
8. Советы Якутии. - 1991. - 13 ноября.
9. Седьмая сессия горсовета // Мирнинский рабочий. - 1991. - 29 октября.
10. Так жить больше нельзя // Мирнинский рабочий. - 1991. - 26 ноября.
11. Тарасов Ю.С. В зеркале общественного мнения // Якутия. – 1992. – 26 дек.
12. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям. – М.: Прогресс, 1993. - 528 с.
13. Якутия. 2002. 21 сентября.
14. Richard Sakwa. Russian Politics and Society. - London; N.Y., 2002.

Егоров Петр Михайлович, мл. науч. сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск.

Egorov Petr Michaylovich, younger scientific employee of the Institute of Humanitarian researches and problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. Yakutsk.

E-mail: epm77@mail.ru

УДК 316.3.33

С.М. Коба

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ

Статья посвящена разработке категории «социальная база политических партий». Осуществлена попытка обозначить ее содержательные компоненты характеризующие «социальную базу политических партий» как конструкт, обладающий определенным объяснительным потенциалом и обеспечивающий контакт теории с познаваемой реальностью.

Ключевые слова: социальная база, социальная система, структура, политические партии.

THE SOCIAL BASE OF POLITICAL PARTIES: DETERMINATION, STRUCTURE, FUNCTIONS

The article is devoted to elaboration of the category «social base of political parties». The author attempts to designate substantial components characterizing «social base of political parties» as a construct that possess certain explanatory potential and provides connections between theory and a cognizable reality.

Key words: social base, social system, structure, political parties.

В современной научной литературе под социальной базой политической партии принято понимать некие социальные группы, слои, классы, выступающие в качестве ее основания. Между социальной базой и партией существует устойчивая, динамическая связь, причем последняя имеет двусторонний характер. С одной стороны, представители социальной базы идентифицируют себя с идеологией и политической платформой партии и рассчитывают на выражение собственных интересов во власти посредством оной, с другой – партия, реализуя свои полномочия как субъект политической системы, должна «видеть» собственную социальную опору.

Однако значение социальной базы для партии сегодня является предметом научной дискуссии, в которой преобладают две точки зрения. Сторонники одной из них в сущности отрицают саму возможность оформления и закрепления социальной базы политических партий, поскольку убеждены, что их век недолог, а точнее – уже близится к завершению, на смену партиям должны прийти монопрофильные общественно-политические движения [4, с. 57, 58]. Сторонники другой точки зрения, напротив, считают, что пока альтернативы политическим партиям нет, а посему социальная база для партии имеет принципиальное значение [5, с. 62] и в перспективе будет только укрепляться. Обе точки зрения, безусловно, имеют право на существование, но пока политические партии есть реальность современного политического ландшафта, актуальность проблемы, определения и понимания социальной базы сохраняется.

Размышляя о сущности политических партий первой половины XX в. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Существование “партий” в современном смысле слова предполагает переосмысление общественной жизни, уже очень далекой от той, что привела к этим преходящим боевым группировкам. Если в тех, минувших, основой было некое желание, неподдельный смысл – добиться того или иного преимущества, – и только ради этой цели люди группировались и сражались, то в нынешней “партии” основной является сама “партия” как таковая» [6, с. 109]. Называя партии боевыми группировками, раскалывающими общество, философ не столько оттеняет значение социальной базы, сколько нивелирует статус партии как политического института. Да, политические партии являются инструментом политической борьбы, но именно они способны стать эффективным механизмом регулирования взаимоотношений между личностью, обществом и

государством. Однако выполнение этой задачи возможно только при условии институционализации политических партий, под которой понимается закрепление их положения в обществе и государстве. По справедливому замечанию Ю.Н. Никифорова, наличие прочной социальной базы – один из критериев, свидетельствующих о высоком уровне институционализации партии [5, с. 62], тогда как партия, не имеющая своей социальной базы, превращается в фикцию.

Таким образом, социальная база есть необходимое основание такого политического института как партия. На уровне здравого смысла это утверждение не вызывает сомнения, но когда мы обращаемся к современной политической действительности, то видим, что современные массовые партии не имеют четко выраженной социальной базы и стремятся привлечь голоса самых различных слоев населения. Поэтому формулировки их предвыборных платформ носят очень общий и расплывчатый характер и мало отличаются друг от друга. В результате возникает ситуация, при которой происходит семантическое замещение, категория «социальная база» сужается до «электоральной базы». Подобные замещения отчасти неправомерны, социальная база несводима к понятию электоральная база, хотя они и имеют немало взаимных пересечений. К примеру, в период выборов разного уровня социальная база становится значимой частью электората, поддерживающего определенные политические силы. Но по окончании выборного цикла часть электората «рассеивается», разочаровавшись или попросту утратив интерес к тем, кого еще недавно поддерживали. Вероятно, именно поэтому современные политтехнологи называют электорат «народом одноразового использования». То, что мы называем социальной базой политических партий, является более стабильным образованием, способным и по окончании выборного процесса выполнять функцию основания неких политических сил. Иначе говоря, в условиях стабильной политической системы потенциальная социальная база политических объединений не столько количественно, сколько качественно отличается от просто электоральной массы.

Согласно нашему видению, социальная база политической партии есть специфическая социальная система, представляющая собой совокупность социальных элементов – индивидов, групп, слоев, классов, вступающих во взаимодействие друг с другом и окружающей средой с целью удовлетворения потребностей системы и/или среды, имею-

щая при этом функциональное значение относительно той организации (партии), основанием которой она («социальная база») является.

Далее рассмотрим функциональные качества элементов, для чего потребуется более предметная детализация последних. Необходимо отметить, что попытки определить основные сегменты социальной базы политической партии и степень их важности, предпринимались и ранее. Так, Макс Вебер подчеркивал значимость сегмента социальной базы партии, представленного членами партии и/или ее основателями, по его словам политическое предприятие всегда базировалось на уважаемых людях [1, с. 676]. Более того, М. Вебер выделял наличие прямой связи между избирателем и лидерами партии, «как сельский, так и мелкобуржуазный избиратель приглядываются к известным им с давних пор уважаемым именам и не доверяют незнакомому человеку, правда, для того только, чтобы тем крепче примкнуть к нему в случае его успеха» [1, с. 675]. М. Дюверже, в свою очередь, также считал необходимым сопоставить членов партии – главную базу всякой партийной общности с теми, кто лишь близок к ним или, напротив, выделяется среди них, т.е. симпатизанты (*sympathisants*), активисты (*militants*), пропагандисты (*propagandistes*)» [3, с. 140]. В сущности похожее решение проблемы определения составляющих структурно-функциональных сегментов социальной базы предлагает В.Ф. Пеньков. По мнению ученого, структура социальной базы политической партии может быть представлена тремя уровнями [7, с. 162]. Социальная база первого уровня включает локальные социальные группы, которые являются основой формирования состава членов политической партии и ее менеджмента. Следующий уровень социальной базы представлен сторонниками, т.е. индивидами, имеющими представления о целях и программе партии, симпатизирующими ее федеральным и/или региональным лидерам, хотя формально и не являющимися членами партийной организации. И, наконец, третий уровень социальной базы занимает электорат политической партии [7, с. 162]. Принимая уровневую структуру социальной базы за образец, уточним содержание уровней.

В нашем понимании, первый уровень, представленный партийным менеджментом и членами партии, являющимися представителями законодательных собраний федерального или регионального уровней, собственно, социальной базой не является, но во многом определяет ее характер и содержание.

Второй уровень – рядовые члены партии, часть из которых не знакома с идеологией и политической платформой партии, руководствуется лишь конъюнктурными соображениями.

И, наконец, третий уровень – электорат политической партии, однако его целесообразно аналитически разделить на «перманентный электорат», то есть некоторую часть электоральной массы, выра-

жающую свою поддержку определенной политической силе на протяжении нескольких электоральных циклов, и «индифферентный электорат», иначе говоря, не определившуюся часть электората. Разделение электората позволяет рассматривать его часть («перманентный электорат») как устойчивый, функционально значимый элемент социальной базы.

Каждому уровню социальной базы соответствует свой набор целевых функций. Элементы первого уровня выполняют программно-целевую и организующую функции или функцию управления. На этом уровне определяются цели и средства их достижения. Определяется предполагаемая структура, качественные и количественные характеристики социальной базы. Сразу оговоримся, качественные характеристики социальной базы в условиях перманентной трансформации и, как следствие, нестабильности социальной и политической систем отходят на второй план или не рассматриваются вообще, предпочтение отдается количественным показателям, которые можно выразить формулой «не важно кто с нами, главное сколько нас».

Элементы второго уровня ответственны за выполнение функций стабилизации и интеграции социальной базы, поддержание системной солидарности, поскольку в той или иной степени являются медиатором между элементами первого и третьего уровней.

И соответственно элемент третьего уровня – «перманентный электорат» – выполняет функцию участия в электоральном процессе и мобилизации избирателей в поддержку кандидатов своей партии из числа «индифферентного электората».

Таким образом, собственно социальной базой политической партии являются структурно-функциональные элементы второго и третьего уровня. Однако в процессе становления и развития социальной базы политической партии (особенно в рамках не стабильной политической системы) роль элементов первого уровня является определяющей. При этом важно отметить, что функциональное взаимодействие элементов социальной базы партии возможно только при согласованности образцов поведения элементов всех уровней. Что, в свою очередь, будет способствовать институционализации социальной базы партии.

Учитывая современную политическую действительность и наметившиеся тенденции в развитии партструктур, роль электората как сегмента социальной базы политической партии должна быть пересмотрена. Политические партии тяготеют к некому универсальному образцу, в результате чего происходит закономерное снижение роли идеологии и повышается роль прагматики электората. Как следствие происходит почти индифферентное отношение к членству, движение от централизованного управления к организационной гибкости партструктур.

Сегодня не представляется возможным определить социальную базу политической партии как

социального слоя, групп и индивидуумов, чьи интересы в долговременной перспективе выражает идеологическая доктрина той или иной партии. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, всякая идентификация условна и любая группа не отличается однородностью. Так как ни движение, ни тем более партия не могут выражать интересы всех «братьев по классу», как бы ни стремились они убедить своих приверженцев, реальных и потенциальных, что именно такими выразителями являются [8, с. 28]. С другой стороны, партии все чаще действуют сообразно логике картелей «хватай всех» [2, с. 22-24]. Это способствует не только возможному увеличению голосов, но и размыванию ответственности, поскольку, если «ответственность несут перед всеми, в реальности, значит ни перед

кем». Современные политические организации не имеют стабильной социальной базы, что во многом объясняется аморфностью и глубокой дифференциацией современного общества. В подобных условиях становится крайне сложно найти общий интерес, способный консолидировать различные социальные группы, что, по нашему мнению, никоим образом, не является свидетельством заката партий, а лишь указывает на их трансформацию со смещением социальной базы от членства к электорату.

Коба Сергей Михайлович, аспирант, Сибирская академия государственной службы, Новосибирск.

Koba Sergey Michailovich, postgraduate student, Siberian Academy of Public Administration. Novosibirsk.

E-mail: koba_sergei@ngs.ru

УДК 327.5 (4)

А.И. Никитенко

ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье анализируется современное состояние Евросоюза как одного из ведущих мировых акторов. Автор, опираясь на труды ведущих специалистов в области международных отношений, данные официальных социологических исследований, объективно выделяет успехи и проблемы состояния европейской интеграции. При этом исследователь приходит к выводу, что, несмотря на определенные успехи в экономической сфере интеграции, в политической и культурной имеются определенные трудности, которые ЕС необходимо будет преодолеть в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Евросоюз, интеграция, проблемы европейской интеграции, политика, экономика, культура.

А.И. Никитенко

A PHENOMENON OF THE EUROPEAN INTEGRATION IN A MIRROR OF RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

A modern state of the European Union as one of key world actors is analyzed in the article. The author resting upon papers of top specialists in sphere of international relations, sociologic data, points out objectively progress and problems in the European integration. At the same time the researcher comes to the conclusion that despite an advance in economic integration there are some kinds of difficulties in political and cultural ones that the EU should overcome in the nearest future.

Key words: the European Union, problems of the EU integration, politics, economics, culture.

В конце XX – начале XXI в. интеграционные процессы в Европе обрели стремительный темп. Основные тенденции их развития определяют нарастающая интернационализация политического, экономического и социально-культурного развития, способствующая коренным изменениям мировой геополитической ситуации. За прошедшие пятьдесят с лишним лет Европейское сообщество, преобразованное в начале 1990-х гг. в Евросоюз, добилось значительных успехов. По итогам «шестого» расширения ЕС включает 27 государств, территориально охватывая почти весь Европейский континент от Атлантики до границ СНГ, показывает достойный пример успешного коллективного экономического сотрудничества и выступает в роли одного из ведущих игроков в мировой политике. Все названные успехи европейской интеграции самым непосредственным образом влияют на изменение геополитической ситуации не только на ев-

роазиатском континенте, но и во всем мире, актуализируя задачу рассмотрения Евросоюза как важнейшего партнера Российской Федерации в политической, экономической, социокультурной и других важнейших сферах.

Одним из первых основоположников европейской интеграции можно считать Р. Куденхове-Калерги, автора Манифеста панъевропеизма. В раздробленности Европы ученый видел ее слабость, которая движет Европу навстречу тройной катастрофе: возникновению новой войны, покорению ее Россией и экономической катастрофе. Поэтому в Манифесте провозглашалась идея конфедерации, которая, по мнению автора, объединила бы европейские государства с полюсом власти в Центральной Европе и с учетом усилившейся роли колониальной Великобритании, США и СССР [1]. Манифест, содержащий призыв народов Европы к единению, был обнаружен в конце 1924 г.